

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-847-863

Риск-рефлексии как фактор выбора форм политического участия (по итогам всероссийского опроса)*

А.В. Алейников, Г.П. Артемов, А.Г. Пинкевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Россия, 199034
(e-mail: a.alejnikov@spbu.ru; g.artemov@spbu.ru; a.pinkevich@spbu.ru)

В фокусе внимания статьи — особенности восприятия и осмысления населением своей уязвимости перед опасностями, оценка рисков и угроз, уровня безопасности среды в контексте воздействия всех этих факторов на политические и социальные отношения. Проблематизируется круг вопросов, связанных с влиянием социально-демографических характеристик, политических установок, уровня и качества жизни на восприятие рисков. Фиксируются социальные, институциональные и политические основания восприятия риска. Цель статьи — выявление взаимосвязи между риск-рефлексиями представителей разных социальных групп российского общества и практиками политического участия. Статья основана на данных всероссийского опроса, проведенного в ноябре 2019 года с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка Санкт-Петербургского государственного университета «Социологические и интернет-исследования». В статье показано отношение россиян к реальным угрозам, актуальным для них в конкретный момент, готовность участвовать в массовых выступлениях и разных политических действиях. С помощью анализа z-значений выявлена возможная зависимость между структурой реальных угроз и готовностью представителей социальных групп участвовать в политических акциях. Продемонстрировано влияние на указанную проблематику возраста, профессиональной принадлежности, доходов респондентов. Авторы определили наличие групп, более склонных к неконвенциональным политическим действиям. Их потенциальная протестная активность связана не только с неудовлетворенностью уровнем и качеством жизни, но и с солидарностью с другими группами, с желанием улучшить нынешнюю ситуацию.

Ключевые слова: риски; угрозы; уровень безопасности; современное российское общество; политические действия; протестная активность

Необходимость урегулирования рисков всегда актуальна для общества и возложена в том числе на политиков — именно их просят разработать программы, в которых были бы взвешены выгоды и риски, так как в их распоряжении имеются необходимые методы сбора информации и технологические разработки. «Однако, когда дело доходит до принятия решений, они, как правило, прибегают к технике, на которую опирались с древности — интуиции. Качество их интуиции устанавливает верхний предел качества всего процесса принятия решений и, возможно, качества нашей жизни» [27. Р. 32].

* © Алейников А.В., Артемов Г.П., Пинкевич А.Г., 2020

Статья поступила 23.03.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020 г.

Теоретические и эмпирические усилия в изучении факторов, определяющих специфику восприятия риска в разных политических и социокультурных условиях, воздействия опасностей и угроз как на общество в целом, так и на межличностные отношения, взаимосвязи риск-рефлексий с характеристиками политического участия, имеют давнюю историю. Восприятие рисков, альтернативные версии и интерпретации угроз и опасностей — важнейший механизм социального конструирования идентичности, усиления социального неравенства и несправедливости, поскольку риски иерархичны и им в большей степени подвергаются слои общества, наименее способные к минимизации их последствий [28. С. 216]. Само обсуждение рисков, подчеркивал У. Бек, меняет не только наше социальное бытие и его восприятие, но и способы реализации политики [17]. Ключевой проблемой общества риска является политика распределения и компенсации рисков [2. С. 21].

Понимание и переживание рисков как элементов стратегий подготовки к непредсказуемым ситуациям, споры о природе рисков, способах управления ими и виновных в их появлении [29. С. 1] — база для выработки политических сценариев. В «поле риска» и рефлексий о рискогенности преломляются проблемы политического устройства и борьбы за власть. Например, в известных концептах «достойного правления» (good governance) и «недостойного правления» (bad governance) рассматриваются в том числе эффективность стратегического управления по осмыслению рисков и оценке готовности принять риск. «Когда люди сталкиваются с угрозами нежелательных экономических, социальных или политических изменений в будущем, они особенно склонны менять свои политическое поведение в попытке предотвратить угрозу» [25. С. 509]. В риск-рефлексивных практиках, личностном и социокультурном восприятии угроз, с одной стороны, оценивается опасность потерь или возможность выигрыша, степень готовности действовать «на грани фола» [22], реализации политических решений в условиях неопределенности. С другой стороны, риск-рефлексии (1) могут формировать «рискофобию», иррациональные чувства постоянной социальной тревоги и страха или, напротив, создавать упрощенное пространство представлений о реальных рисках и опасностях, иногда трансформирующееся в «рискофильство».

При таком подходе важно исследовать чувство страха, определяемое несправедливым распределением рисков и выгод от них [33], интерпретации и репрезентации травматических событий в символической политике, поскольку «именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха, а вовсе не события сами по себе» [1. С.18]. «Общество риска становится таковым потому, что в нем распространены массовые страхи тотального типа, т.е. повсеместные и постоянные, почти рутинизированные и не требующие тщательной эмпирической интерпретации — они понятны любому члену общества (независимо от степени его экспертности в реалистичности угроз) благодаря средствам массовой информации, которые „нормализуют“ множество угроз» [11. С. 35].

В контексте конфликта политических сил «за определение, что рискованно, а что — нет» [15] ученые подчеркивают широкое использование угроз и опасностей в форме возложения вины и ответственности за них. Вместе с тем угрозы — важный аспект политической жизни: угроза — «потенциальная возможность потери чего-то ценного для личности, что предположительно влияет на защитное поведение» [24. С. 18]; угроза — мотиватор активизма, и восприятие угрозы в отношении элементов социального порядка может оказывать сильное влияние на установки и поведение (угроза как важный элемент мобилизации).

Показательна позиция М. Дуглас, которая, подчеркивая политические основания восприятия риска, выделяет трех адресатов (социальных агентов) обвинений в наступлении неблагоприятных событий: сами жертвы, нарушившие правила или запреты, политические соперники и внешние враги [19]. Их причастность доказывается не реальными действиями или бездействием, а самим фактом, например, обладания политическим или социальным статусом, причастность к которому воспринимается как угроза. Анализируя политизированные формы восприятия опасностей, она полагает, что риск «призывают на службу для выпадов против злоупотреблений власти; обвинение в создании обстановки риска — это дубинка для битья авторитетов, средство расшевелить ленивых бюрократов, вырвать возмещение для жертв» [7. С. 245].

С другой стороны, ситуация риска предоставляет «дополнительный шанс для деятельности и узурпации власти за рамками политической системы» [18. С. 35]. Демократическая система «оказывается перед худым выбором: или оказаться несостоятельной перед лицом систематически производимых опасностей, или под натиском авторитарных дисциплинарно-государственных „опорных точек“ аннулировать основные демократические принципы» [2. С. 97]. Эти «опорные точки» восприятия риска могут быть социальными (например, средства массовой информации) или институциональными (например, политические действия) [18].

Динамика современного политического процесса, продуцируемая социальными рисками, стимулирует конфронтацию социальных акторов и политических сообществ, «раскалывая общество по критерию наличия ресурсов противостояния и адаптации к неопределенности и угрозам, углубляя социально-структурную дифференциацию» [9. С. 711]. Именно в функциональном пространстве рисков и угроз возникают рефлексивные практики, легитимирующие политические действия.

Проблемное поле статьи конструируется несколькими исследовательскими вопросами: каковы социальные детерминанты и политические основания специфики восприятия риска разными социальными субъектами; как связан уровень протестного потенциала с разными компонентами адаптационных стратегий, которые можно зафиксировать в ситуациях неравного распределения риска; каков механизм взаимосвязи между идентификацией угроз и ориентацией на конвенциональные и неконвенциональные формы участия (неучастия)

в политике. Акцентируя внимание на этих вопросах, Бек подчеркивает, что «риски не упраздняют, а усиливают классовое общество» [2. С. 40], и солидарность «жертв рисков» может порождать мощные политические силы. Без ответов на эти вопросы невозможно понимание природы современных опасностей и угроз для стабильности государства, поскольку политически рефлексивные риски угрожают функционированию социальной структуры [17].

Таким образом, исследовательская проблема состоит в недостаточной изученности влияния политически отрефлексированных рисков на характер политического участия в российском «обществе риска». Согласно Беку «социально признанные риски несут в себе своеобразный политический детонатор: то, что до сих пор считалось аполитичным, становится политикой» [2. С. 26]. Цель исследования — выявление взаимосвязи между риск-рефлексиями представителей разных социальных групп и практиками политического участия. В основе исследования лежит синтез методологических возможностей теорий восприятия риска (2) социальными субъектами, которые объединяет идея «вплетения риска» во властные отношения и «рискификации» социальных и политических проблем [21]. Авторы ориентируются на теории социокультурной жизнеспособности М. Дуглас и А. Вилдавски [20], отличий «объективного риска» и его субъективных оценок, «риска для себя» и «риска для других», «необоснованного оптимизма» и «нереалистического пессимизма» в восприятии рисков Л. Шоберга [26], стратегий «риска в действии» и «риска в мышлении» Д. Канемана [8], «режимов власти», рассматривающих зависимость восприятия риска от политического дискурса [23].

Наиболее продуктивной отправной точкой эмпирических исследований восприятия риска считается «психометрическая парадигма» [27], в которой зафиксированы значимые для риск-рефлексий характеристики риска: добровольность-недобровольность риска; отложенность воздействия — безотлагательность эффекта; знание-незнание о риске; контролируемость-неконтролируемость риска; новизна-неизвестность риска; катастрофичность (массовость) — хронический характер риска; приспособленность — страх перед риском; справедливость распределения рисков; наличие — отсутствие превентивного контроля; угроза будущим поколениям [5].

Не менее существенную роль для методологии нашего исследования играют теоретические экспликации П. Штомпки о разных проявлениях восприятия риска в акте доверия, которое представляет собой ставку «в отношении будущих непредвиденных действий других». «Культурный профиль риска», т.е. нормативное ожидание рискогенности, определяет доверие к институтам. В нашем исследовании акцент сделан на «системном» (общественном) доверии к социальным порядкам, структурам, режимам и организациям, а также на «процедурном» доверии к институциональным практикам и процедурам функционирования общества [14]. Обращение к методологии П. Бурдые связано с необходимостью выделения «подпространства риска», которое представляет собой асимметричную структуру производства, воспроизводства, ранжирования и

распределения угроз и рисков, функционирующую «одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» [3. С. 40].

Опираясь на приведенные подходы, мы можем установить место и роль восприятия рисков в выборе социальными группами форм политического участия, которое рассматривается в рамках классического подхода — как процесс воздействия социальных субъектов на результаты деятельности политической системы, влияние или попытка влияния на принятие политических решений и определение политической повестки [см., напр.: 6; 12].

Эмпирическую базу исследования составили материалы всероссийского телефонного опроса, проведенного в ноябре 2019 года с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования». Было опрошено 1620 человек старше 18 лет, проживающих во всех регионах России. Использовалась репрезентативная многоступенчатая выборка с контролем квот по полу, возрасту и месту проживания. В опросе изучались, в частности, оценки реальных угроз, а также готовность участвовать в массовых выступлениях и разных видах политических действий: сборе подписей под обращением к властям, митингах, пикетах, бойкотах, захвате зданий и блокаде дорог. Респондентам был предложен перечень угроз: потеря имущества, собственности, сбережений; ухудшение, утрата здоровья; стресс, одиночество; ощущение, что жизнь зашла в тупик; потеря работы, служебного положения, безработица; дискриминация по признаку пола, возраста, национальности, за религиозные, политические убеждения; экологические бедствия (попадание вредных веществ в воду, пищу, воздух, вырубка лесов).

Большинство (62,5%) опрошенных дают негативную оценку ситуации в стране (48,1% считают ее кризисной, 14,4% — катастрофической). Нормальной/благополучной ситуацию считают 31,9% респондентов (Рис. 1). К числу актуальных проблем респонденты отнесли следующие: низкий уровень жизни (низкая зарплата, низкие пенсии); безработица; дорогое медицинское обслуживание, отсутствие специалистов, дорогие лекарства; кризис межличностных отношений (агрессивность, безразличие, недоверие, бескультурье); коррупция; некачественное и дорогое образование; бездействие властей, кризис экономики, социальная несправедливость (Табл. 1).

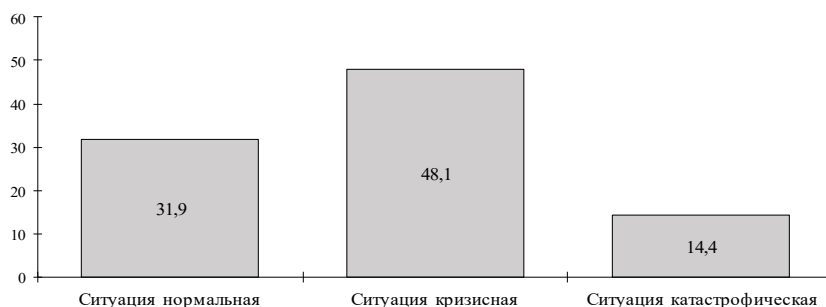

Рис. 1. Оценка ситуации в стране (%)

Таблица 1

**«Какие из проблем нашего общества тревожат Вас больше всего?»
(формулировки респондентов, в %)**

Низкий уровень жизни (обнищание населения, низкие зарплаты, рост цен)	18,6
Безработица	11,9
Пенсии низкие, пенсионная реформа	8,7
Дорогое медицинское обслуживание (отсутствие специалистов, дорогие лекарства)	8
Агрессия людей, безразличие, бескультурье, недоверие	6,9
Коррупция	6,4
Образование: качество, дороговизна, реформа	5,2
Бездействие властей	3,8
Экономика в кризисе, не развивается	3,1
Социальная несправедливость: не заботятся о старшем поколении, молодых семьях, молодежи	3

В ходе опроса были выявлены следующие угрозы в жизни респондентов: экологические бедствия (попадание вредных веществ в воду, пищу, воздух, вырубки лесов) — 55,1%; ухудшение, утрата здоровья — 50,4%; угроза войны со стороны других государств — 25%; потеря работы, служебного положения, безработица — 24,3%; потеря имущества, собственности, сбережений — 17,7%; стресс, одиночество, ощущение, что жизнь зашла в тупик — 17,7%; дискриминация по признаку пола, возраста, национальности, за религиозные, политические убеждения — 12,8% (Рис. 2). Многие (44,1%) считают, что при возникновении угрозы власти стараются ее «замалчивать», 13,5% — что власти «перекладывают ответственность на население», и только 27,2% — что «власти берут ответственность на себя».

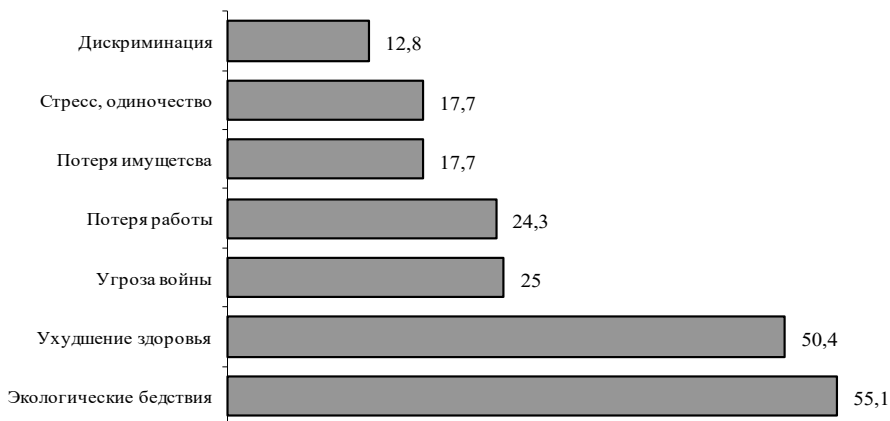

Рис. 2. Оценка реальных угроз (в %)

В случае наиболее вероятной и опасной угрозы респонденты готовы предпринять следующие действия: обсуждение с родными и знакомыми — 73,5%;

организация друзей и знакомых — 35,9%; обращение к властям — 32%; обращение к средствам массовой информации — 25,2%. В ситуации возможного риска (ущерба) 40% намерены активно протестовать, 15,1% надеются, что ситуация разрешится сама собой, 14,5% готовы смириться с ситуацией, так как не верят в возможность ее разрешения, а 9,5% собираются уехать из страны.

Для выявления зависимостей между структурой реальных угроз, отмеченных представителями социальных групп, и их готовностью участвовать в политических действиях использовался анализ z-значений (величина, демонстрирующая направление и степень отличия групповых показателей от средних по выборке; положительная величина «+» означает, что групповые показатели выше средних, отрицательная «-» — ниже средних). Сначала были вычислены частотные распределения по всем угрозам и видам действий для каждой группы, затем построена база данных, характеризующих наличие определенных угроз в жизни социальных групп и их готовность участвовать в определенных политических действиях и рассчитаны z-значения, отражающие степень и направление отличий конкретной группы от средних. На рис. 3–8 представлены диаграммы, построенные в соответствии с приведенным выше перечнем угроз и видов политического действия по группам опрошенных.

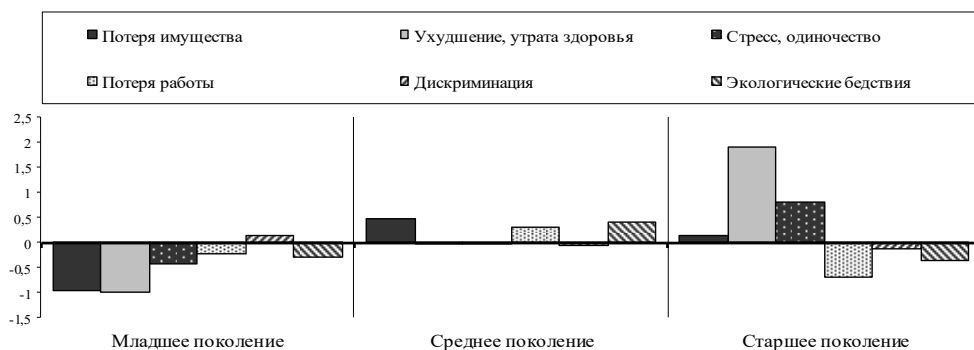

Рис. 3. Структура актуальных угроз в жизни по возрастам

На Рисунке 3 видно, что старшему поколению более свойственно отмечать угрозы здоровью, стресса и одиночества — у них максимальные положительные z-значения по оценке наличия этих угроз. Среднее поколение в большей степени отмечает наличие угрозы потери имущества и работы, угрозы экологических бедствий. Представители младшего поколения чаще других групп отмечают только угрозы дискриминации.

Согласно Рисунку 4 младшее поколение отличается большей степенью готовности участвовать в бойкоте властей, захвате зданий и блокаде дорог. Люди, относящиеся к среднему поколению, чаще склонны использовать такие формы, как сбор подписей под обращением к властям, участие в разрешенных митингах, пикетах и демонстрациях. Кроме того, они склонны участвовать в захвате зданий и блокаде дорог, но их положительное z-значение меньше, чем у младшего поколения. По участию в массовых акциях у обоих

поколений имеются практически нулевые z-значения, что свидетельствует об отсутствии существенных отличий от средних по выборке: участвовать в массовых акциях намерено около 40% опрошенных. Представители старшего поколения проявляют меньшую готовность участвовать в массовых акциях, реже допускают свое участие в бойкоте властей, захвате зданий и блокаде дорог (максимальные отрицательные z-значения). Старшее поколение готово участвовать в сборе подписей под обращением к властям в большей степени, чем представители младшего поколения, но в меньшей степени, чем представители среднего поколения. Участвовать в митингах, пикетах и демонстрациях они готовы в меньшей степени, чем представители среднего поколения. В целом старшее поколение, несмотря на наличие угроз в своей жизни, меньше других поколений склонно к активным политическим действиям.

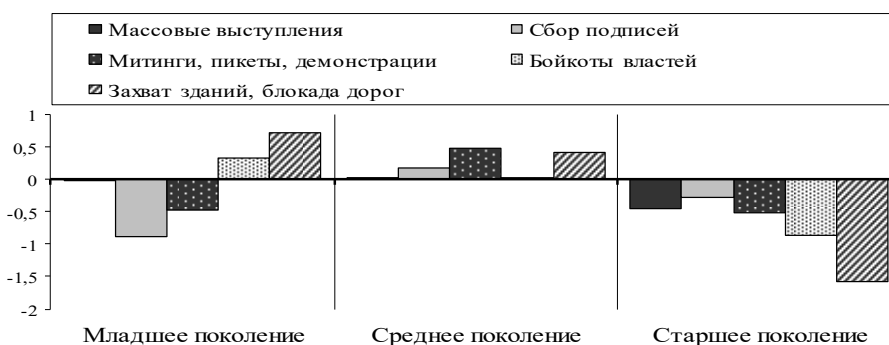

Рис. 4. Готовность поколений к участию в политических действиях

В пользу такого вывода свидетельствует и распределение ответов на вопрос о реакции на ситуацию возможного ущерба здоровью, имуществу и окружающей среде (Табл. 2). Среди старшего поколения выше доля тех, кто надеется на независимое от них разрешение ситуации и не верит в возможность разрешения ситуации (младшее поколение — 32,7%, среднее — 34,1%, старшее — 50,7%). Преобладающая часть младшего и среднего поколений в такой ситуации намерена активно протестовать или уехать из страны (соответственно 67,3% и 65,8%).

Таблица 2

Реакция поколений на ситуацию возможного ущерба здоровью, имуществу и окружающей среде (%)

Поколения	Скажите, пожалуйста, в ситуации возможного ущерба здоровью, имуществу, окружающей среде Вы:			
	Будете надеяться, что ситуация риска разрешится сама собой	Смиритесь с ситуацией, так как не верите в возможность ее разрешения	Будете активно протестовать	Уедете из страны
Младшее	15,9	16,8	43,6	23,7
Среднее	16,4	17,7	55,2	10,6
Старшее	29,2	21,5	47,4	1,8

Наряду с уровнем потенциальной активности поколений в ситуации угроз нужно оценить и характер этой активности: соотношение ориентации на конвенциональные (разрешенные законом) и неконвенциональные (незаконные) типы политического действия. К конвенциональным политическим действиям можно отнести сбор подписей под обращением к властям, разрешенные митинги, пикеты и демонстрации, к неконвенциональным — бойкот властей, захват зданий и блокада дорог. Массовые выступления для большинства опрошенных — разновидность конвенциональных политических действий. Результаты микроанализа таблиц сопряженности (сравнения знаков стандартизованных остатков — величин, показывающих степень отличия наблюдаемых частот от ожидаемых; значимыми считаются стандартизованные остатки $\geq \pm 1,65$; наличие значимого положительного стандартизованного остатка у респондентов, намеренных участвовать в массовых выступлениях, и респондентов, допускающих участие в других политических действиях, свидетельствует о том, что респонденты склонны выбирать данные альтернативы чаще, чем не намеренные и не допускающие участия в других видах политической действий) по вопросам об участии в массовых акциях и в других видах политических действий подтверждают данный вывод (Табл. 3).

Таблица 3

Соотношение участия в массовых выступлениях и в других видах политических действий

Участие в массовых выступлениях	Величины	Участие в сборе подписей под обращением		Участие в мирных, разрешенных митингах, пикетах, демонстрациях		Участие в бойкоте (отказ платить налоги, квартплату)		Участие в захвате зданий, блокаде дорог	
		Допускают	Не допускают	Допускают	Не допускают	Допускают	Не допускают	Допускают	Не допускают
Намерены участвовать	%	88	11,1	74,6	22,7	31,9	66,2	11,2	86,7
	Стандартизованный остаток	+3,6	-6	+8,7	-9,2	+6,9	-3,3	+5	-1,3
Не намерены участвовать	%	65,7	31	30,8	67,4	10,1	86,9	2,2	95,6
	Стандартизованный остаток	-3,3	+5,5	-8	+8,4	-6,3	+3,1	-4,6	+1,2
Итого	%	75,9	21,9	50,8	47	31,9	66,2	6,3	91,6

Анализ данных, приведенных в Таблице 3, позволяет сделать вывод о зависимости между альтернативами рассматриваемых вопросов. Большинство (более 2/3) респондентов, намеренных участвовать в массовых выступлениях, допускают свое участие в конвенциональных действиях: сборе подписей, разрешенных митингах, пикетах и демонстрациях. Только у 1/3 респондентов участие в массовых выступлениях сочетается с неконвенциональными действиями

(бойкот властей, захват зданий и блокада транспортных магистралей). Вероятно, у старшего поколения наличие угроз обуславливает преимущественно конвенциональную политическую активность, у младшего поколения — преимущественно неконвенциональную, а у среднего — их сочетание.

Данные на Рисунке 5 позволяют сделать вывод, что безработные чаще отмечают наличие в их жизни большинства угроз (максимальные положительные z-значения по угрозам потери имущества и работы, стресса и одиночества, ухудшения здоровья и дискриминации). У пенсионеров максимальные положительные z-значения по угрозе ухудшения здоровья и войны, стресса и одиночества. Учащиеся и студенты отличаются максимальными z-значениями по угрозам дискриминации и экологических бедствий. Представители всех остальных профессиональных групп значительно реже отмечают наличие в их жизни перечисленных угроз: у квалифицированных рабочих, специалистов с высшим образованием, занятых во внепроизводственной сфере и служащих без высшего образования минимальные z-значения по всем видам угроз. Остальные группы отмечают наличие угроз в их жизни в большей степени, чем квалифицированные рабочие, специалисты и служащие, но в меньшей степени, чем безработные и пенсионеры. Неквалифицированные рабочие чаще, чем в среднем по выборке, отмечают наличие угроз ухудшения здоровья, потери работы, дискриминации и экологических бедствий. Бизнесменов больше всего беспокоят угрозы потери имущества, дискриминации и экологических бедствий. Специалистов с высшим образованием, занятых на производстве, в большей степени, чем в среднем по выборке, беспокоят угрозы потери имущества, ухудшения здоровья и экологических бедствий. Госслужащие из всех угроз в несколько большей степени, чем в среднем по выборке, выделяют угрозу стресса и одиночества.

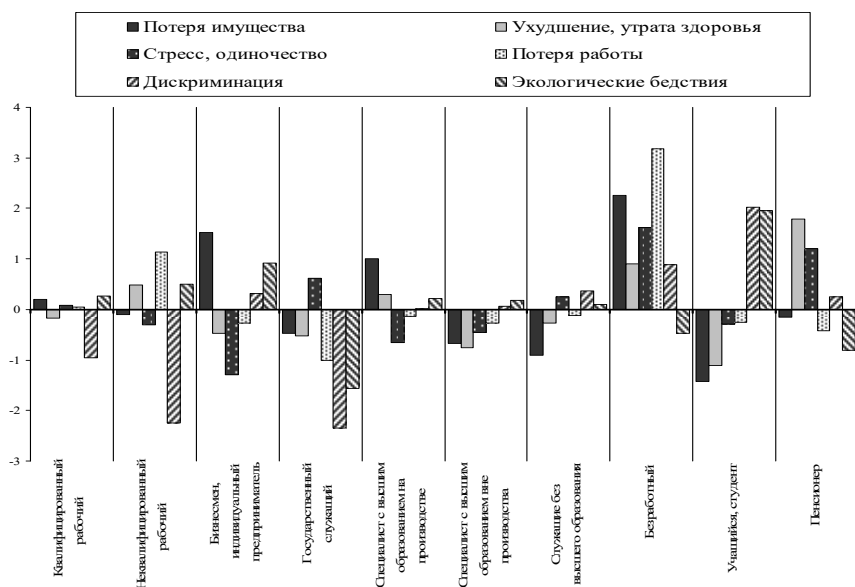

Рис. 5. Структура актуальных угроз в жизни профессиональных групп

Рисунок 6 показывает, что большую, чем в среднем по выборке, степень готовности участвовать в большинстве действий демонстрируют служащие без высшего образования (положительные z-значения по всем видам действий) и квалифицированные рабочие (положительные z-значения по 4 из 5 действий). Далее идут специалисты с высшим образованием, занятые на производстве, неквалифицированные рабочие, учащиеся и студенты (положительные z-значения имеются по 3 действиям из 5). У специалистов с высшим образованием, занятых вне производства, а также безработных наблюдаются положительные z-значения только по 2 из 5 видов действия, а у госслужащих и бизнесменов — только по 1. Пенсионеры проявляют меньшую готовность участвовать во всех видах действия (отрицательные z-значения).

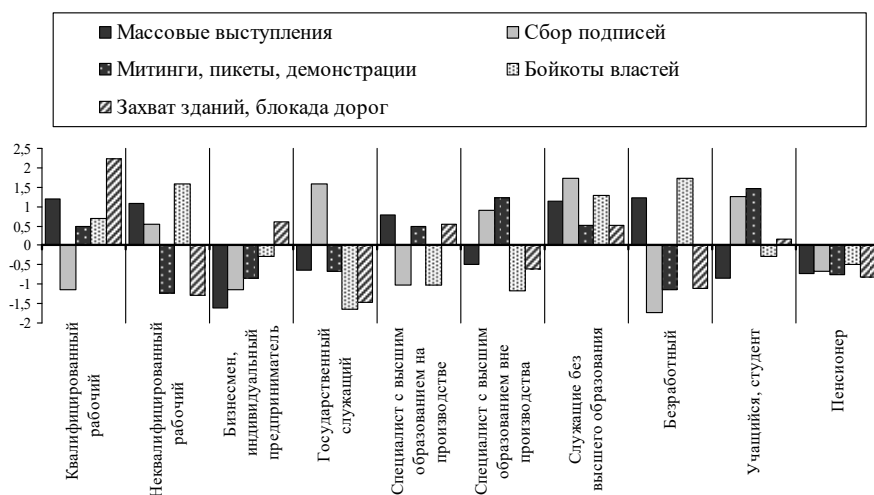

Рис. 6. Готовность профессиональных групп к политическим действиям

Как и в предыдущем случае, следует учитывать структуру потенциальной активности профессиональных групп — соотношение конвенциональных и неконвенциональных политических действий. У госслужащих, специалистов с высшим образованием, занятых вне производства потенциальная активность носит преимущественно конвенциональный характер, у бизнесменов — неконвенциональный характер (положительные z-значения только по захвату зданий и блокаде дорог). У остальных групп активность имеет смешанный характер — сочетания конвенциональных и неконвенциональных типов действия. Следует обратить внимание на низкие показатели потенциальной активности по всем видам действия у пенсионеров, по большинству видов действия — у безработных, бизнесменов и госслужащих, а также на высокие показатели потенциальной политической активности у служащих без высшего образования, квалифицированных рабочих и специалистов с высшим образованием на производстве.

На Рисунке 7 видно, что в наибольшей степени на наличие всех рассматриваемых угроз указывают низкообеспеченные респонденты (максимальные

положительные z-значения по всем видам угроз). Среднеобеспеченные респонденты чаще, чем в среднем по выборке, отмечают угрозы ухудшения здоровья, стресса и одиночества, высокообеспеченные — наличие угрозы дискриминации и экологических бедствий.

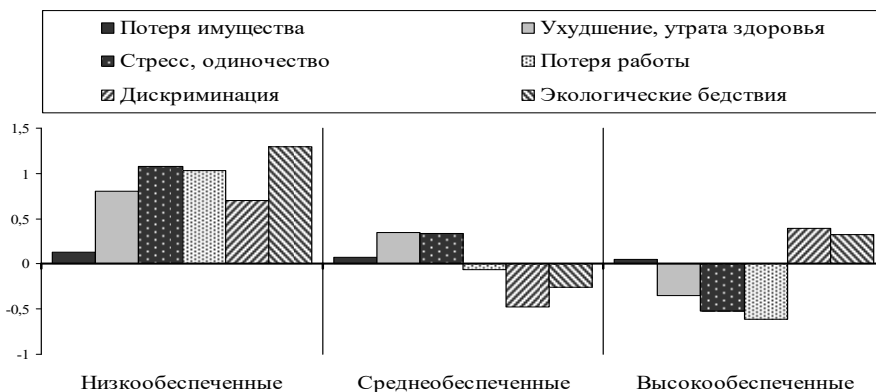

Рис. 7. Структура актуальных угроз по уровню достатка

Согласно данным на Рисунке 8, низкообеспеченные люди проявляют высокую готовность участвовать в 3 из 5 видов политических действий, особенно в бойкотах (максимальные положительные z-значения). У среднеобеспеченных, несмотря на высокую на фоне средней по выборке готовность участвовать в 3 из 5 видов действий, потенциальная политическая активность носит преимущественно конвенциональный характер — они в наименьшей степени склонны участвовать в бойкотах, захватах зданий и блокаде дорог. Высокообеспеченные люди проявляют наибольшую готовность участвовать в неконвенциональных действиях. Это значит, что основой неконвенциональной политической активности служит не только низкий доход, но и угроза снижения дохода в неблагоприятной социальной ситуации, в которой люди, независимо от уровня дохода, могут потерять имущество, сбережения, работу и социальный статус.

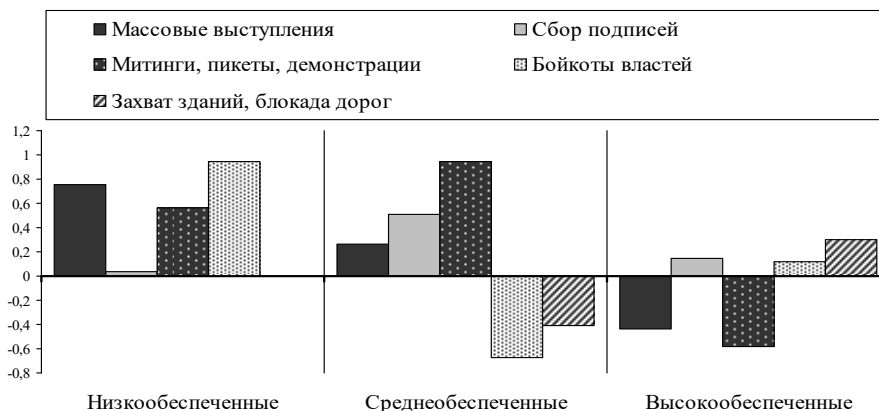

Рис. 8. Готовность к участию в политических действиях по уровню дохода

Таким образом, одним из существенных факторов, стимулирующих политическое участие, выступает дефицитарная потребность в политическом диалоге по проблемам принятия и избегания риска. Значительная часть респондентов фиксирует «риск-асимметрию», полагая, что власти при возникновении угроз перекалывают ответственность за их устранение на население. Исследование позволило выделить риск-рефлексии как специфический способ манифестирования социальной напряженности и ценностно-смысловой локализации форм политического участия. Наше исследование в целом подтверждает гипотезу Д. Миллер о наличии обратной связи «между восприятием угроз и толерантностью в отношении групп, которые представляют наибольшую угрозу социальному порядку... Связано это не с тем, что высока вероятность выполнения группой своих намерений, а с тем, что группа воспринимается как аморальная, не достойная доверия, связанная с насилием» [24. С. 17–18].

Формы участия социальных групп в политических действиях определяются в том числе спецификой «подпространства восприятия риска»: выявлены существенные различия в трактовках «рискованного», «назначения виновных» за угрозы и способах управления рисками. Например, для квалифицированных рабочих, специалистов и служащих, несмотря на относительно меньшее наличие в их жизни перечисленных угроз, характерна «риск-солидарность», поскольку в основе мотивации их участия в разных видах политических действий лежит стремление помочь другим устранить существующие в их жизни угрозы. Основой потенциальной протестной активности этих профессиональных групп служат не столько собственные лишения, сколько солидарность с теми группами населения, которые терпят лишения. Можно предположить, что эти профессиональные группы более негативно оценивают социальную безопасность и эффективность действий властей по обеспечению этой безопасности [13. С. 5]. В будущем мы планируем исследовать моральное измерение восприятия рисков, которое недавно стало предметом пристального научного интереса [16].

Представленные в статье данные свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения конфликта политических интересов в рискогенном социуме, асимметрии стратегий поведения и адаптации в ситуациях неопределенности, дифференциации параметров социальной приемлемости риска, последствий управленческих решений по нейтрализации или минимизации угроз. Это позволит определить универсальные и специфические рефлексивные практики групп в инструментальном конструировании рисков и наметить пути нейтрализации их манипулятивного потенциала, а также выработки рекомендаций органам власти по формированию стратегий подготовки к непредсказуемым ситуациям, воспитания толерантности к неопределенностям и социально приемлемому риску, усиления конструктивного и снижения деструктивного влияния риск-рефлексий в сфере управления и предупреждения социальной напряженности.

Примечания

- (1) Вслед за О.Н. Яницким мы понимаем риск-рефлексии двояко: «традиционно» (рефлексии массового и профессионального сознания) и «инновативно» (столкновение общества с последствиями рисков, с которыми оно не может справиться, ассимилировать или трансформировать, действуя в соответствии с существующими стандартами). Риск-рефлексия, опосредуя восприятие риска, определяет выработку стратегии и тактики социального субъекта в ситуации угрозы и неопределенности, является инструментом определения социальной приемлемости риска [15].
- (2) Статья не предполагает обзора определений риска, поскольку полноценный анализ существующих подходов — предмет отдельной статьи. Мы понимаем риск как угрозу, потенциальную возможность «будущих материальных, физических, психологических, социальных, духовных потерь (ущерб здоровью, жизни, имуществу), обусловленных субъективным решением» [10. С. 42]. Соответственно, восприятие риска есть «совокупность суждений, представлений и установок субъекта относительно риска, включает в себя процесс и результат оценки риска субъектом и вероятности возникновения будущей ситуации, ее определение как нежелательной или опасной» [4. С. 37].

Библиографический список

- [1] *Александр Д.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3.
- [2] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
- [3] *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- [4] *Гаврилов К.А.* Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов. М., 2009.
- [5] *Гаврилов К.А.* Психометрическая парадигма в исследовании риска: перевод на русский язык и апробация на студенческой выборке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2.
- [6] *Гончаров Д.В.* Теория политического участия. М., 1997.
- [7] *Дуглас М.* Риск как судебный механизм // Thesis. 1994. Вып. 5.
- [8] *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков, 2005.
- [9] *Мозговая А.В.* Социальная сфера: вектор изменений, риски и адаптационные ресурсы (по материалам общероссийских мониторинговых исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4.
- [10] *Мозговая А.В.* Адаптация к рискам трансформационных процессов в российском обществе: Дисс. д.с.н. М., 2019.
- [11] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Патриотические настроения: дилемма «родина или государство» // ПОИСК. 2018. № 1.
- [12] *Холмская М. Р.* Политическое участие как объект исследования (Обзор отечественной литературы) // Политические исследования. 1999. № 5.
- [13] *Шлыкова Е.А.* Отношение к риску как дифференцирующий фактор выбора способа вынужденной адаптации // URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4081>.
- [14] *Штомпка П.* Доверие – основа общества. М., 2012.
- [15] *Яницкий О. Н.* Социология риска. М., 2003.
- [16] *Bassarak C., Pfister H.-R., Böhm G.* Dispute and morality in the perception of societal risks: Extending the psychometric model // Journal of Risk Research. 2017. Vol. 20. No. 3.
- [17] *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetic in the Modern Social Order. Cambridge, 1994.
- [18] *Bodemer N., Gaissmaier W.* Risk perception // Sage Handbook of Risk Communication / Ed. by H. Cho, T. Reimer, K. McComas. L.A., 2015.
- [19] *Douglas M.* Risk and Blame. Essays in Cultural Theory. L.–N.Y., 1992.

- [20] *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley—L.A., 1982.
- [21] *Hardy C., Maguire S.* Organizing risk: Discourse, power, and “riskification” // *Academy of Management Review*. 2016. Vol. 41. No. 1.
- [22] *Lyng S.* Edgework, risk, and uncertainty // *Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction* / Zinn J. (Ed.). Chichester, 2008.
- [23] *Lupton D.* Risk. L., 2013.
- [24] *Miller J.M.* Threats and opportunities as motivators of political activism // URL: <https://www.researchgate.net/publication/248079929>.
- [25] *Miller J.M., Krosnick J.A.* Threats as a motivator of political activism: A field experiment // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25. No. 4.
- [26] *Sjöberg L.* Factors in risk perception // *Risk Analysis*. 2000. Vol. 20. No. 1.
- [27] *Slovic P.* The Perception of Risk. L., 2000.
- [28] *Tierney K.J.* Toward a critical sociology of risk // *Sociological Forum*. 1999. Vol. 14. No. 2.
- [29] *Tulloch J., Lupton D.* Risk and Everyday Life. L., 2003.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект №19-18-00115.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-847-863

Risk reflections as a factor for choosing forms of political participation (results of the all-Russian survey)*

A.V. Aleinikov, G.P. Artemov, A.G. Pinkevich

Saint-Petersburg State University
University Emb., 7–9, Saint-Petersburg, Russia, 199034
(e-mail: a.aleinikov@spbu.ru; g.artemov@spbu.ru; a.pinkevich@spbu.ru)

Abstract. The article focuses on the population’s perception and understanding of their vulnerability to dangers, assessment of risks, threats and environmental security in the context of all these factors influence on political and social relations. The authors consider a number of issues related to the influence of social-demographic characteristics, political attitudes, level and quality of life on the perception of risks; identify social, institutional and political grounds of risk perception. The article aims at identifying the relationship between risk reflections of different social groups in the Russian society and practices of political participation. The article is based on the data of the all-Russian survey conducted in November 2019 with the support of the Resource Center of the Science Park of the Saint Petersburg State University “Sociological and Internet Studies”. The authors show the attitude of Russians to real actual threats, their willingness to participate in mass protests and various forms of political action. Based on the analysis of z-values, the authors show a possible relationship between the structure of real threats and the willingness of social groups to participate in political actions, and also the impact of age, profession, and income on this relationship. The authors identified groups more inclined to non-conventional political action. Their potential protest is determined not only by dissatisfaction with the level and quality of life, but also by solidarity with other groups and the desire to improve the situation.

Key words: risks; threats; level of security; contemporary Russian society; political actions; protest activity

* © A.V. Aleinikov, G.P. Artemov, A.G. Pinkevich, 2020

The article was submitted on 23.03.2020. The article was accepted on 22.05.2020.

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00115.

References

- [1] Alexander J. Kulturnaya travma i kollektivnaya identichnost [Cultural trauma and collective identity]. *Sociologicheskyy Zhurnal*. 2012; 3 (In Russ.).
- [2] Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [3] Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [4] Gavrillov K.A. *Sotsiologiya vospriyatiya riska: opyt rekonstruktsii klyuchevykh podkhodov* [Sociology of Risk Perception: Key Approaches Reconstructed]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [5] Gavrillov K.A. Psichometricheskaya paradigma v issledovanii riska: perevod na russky jazyk i aprobatsiya na studencheskoj vyborke [Psychometric paradigm in risk research: Translation into Russian and testing on a student sample]. *Monitoring Obshhestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 2 (In Russ.).
- [6] Goncharov D.V. *Teoriya politicheskogo uchastija* [Political Participation Theory]. Moscow; 1997 (In Russ.).
- [7] Douglas M. Risk kak sudebny mekhanizm [Risk as a judicial mechanism]. *Thesis*. 1994; 5 (In Russ.).
- [8] Kahneman D., Slovic P., Tversky A. *Prinyatie resheniy v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya* [Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases]. Kharkov; 2005 (In Russ.).
- [9] Mozgovaya A.V. Socialnaya sfera: vektor izmenenij, riski i adaptatsionnye resursy (po materialam obshcherossijskikh monitoringovykh issledovanij) [Social sphere: Vectors of change, risks and adaptation resources (results of all-Russian monitoring surveys)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [10] Mozgovaya A.V. Adaptatsiya k riskam transformatsionnykh protsessov v rossijskom obshchestve: Diss. d.s.n. [Adaptation to the Risks of Transformational Processes in Russia: DSc thesis]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [11] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Patrioticheskie nastroyeniya: dilemma “rodina ili gosudarstvo” [Patriotic mood: Dilemma ‘homeland or state’]. *POISK*. 2018; 1 (In Russ.).
- [12] Kholmanskaya M.R. Politicheskoe uchastie kak ob’ekt issledovaniya (Obzor otechestvennoj literatury) [Political participation as an object of research (a review of the Russian scientific literature)] *Political Studies*. 1999; 5 (In Russ.).
- [13] Shlykova E.A. Otnoshenie k risku kak differentsiruyushchy faktor vybora sposoba vyzhdennoj adaptatsii [Attitude to risk as a differentiating factor in choosing a method of forced adaptation]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4081> (In Russ.).
- [14] Sztompka P. *Doverie — osnova obshchestva* [Trust as a Foundation of Society]. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [15] Yanitsky O.N. *Sociologiya riska* [Sociology of Risk]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [16] Bassarak C., Pfister H.-R., Böhm G. Dispute and morality in the perception of societal risks: Extending the psychometric model. *Journal of Risk Research*. 2017; 20 (3).
- [17] Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetic in the Modern Social Order*. Cambridge; 1994.
- [18] Bodemer N., Gaissmaier W. Risk perception. Cho H., Reimer T., McComas K. (Eds.). *Sage Handbook of Risk Communication*. Los Angeles; 2015.
- [19] Douglas M. *Risk and Blame. Essays in Cultural Theory*. London–New York; 1992.
- [20] Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press; 1982.

- [21] Hardy C., Maguire S. Organizing risk: Discourse, power, and “riskification” *Academy of Management Review*. 2016; 41 (1).
- [22] Lyng S. Edgework, risk, and uncertainty. Zinn J. (Ed.). *Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction*. Chichester; 2008.
- [23] Lupton D. *Risk*. London; 2013.
- [24] Miller J.M. Threats and opportunities as motivators of political activism. URL: <https://www.researchgate.net/publication/248079929>.
- [25] Miller J.M., Krosnick J.A. Threats as a motivator of political activism: A field experiment. *Political Psychology*. 2004; 25 (4).
- [26] Sjöberg L. Factors in risk perception. *Risk Analysis*. 2000; 20 (1).
- [27] Slovic P. *The Perception of Risk*. London; 2000.
- [28] Tierney K.J. Toward a critical sociology of risk. *Sociological Forum*. 1999;14 (2).
- [29] Tulloch J., Lupton D. *Risk and Everyday Life*. London; 2003.